

«ГОЛУБУШКА! КАК Я РАД...»

1

О маминых злключениях в томском лагере я узнал из воспоминаний близкой нашей знакомой Анны Петровны Модестовой, освобожденной раньше мамы.

«Мои старшие дети учились в школе и Музыкальном училище имени Гнесиных и два раза в неделю ходили в группу для занятия ритмикой, которая собиралась в квартире Ломовых. Тогда-то я и сошлась близко с этой прекрасной семьей. Была весна 37 года, мы решили ехать на Украину, чтобы укрепить здоровье детей, много хворавших за прошедшую зиму. Я тогда работала в научно-исследовательском институте НКПС* и взяла длительный отпуск, а муж должен был приехать к нам позже. Он неустанно помногу работал. <...> Перед отъездом мы узнали <...> об аресте Г. И. Ломова и его жены, что огорчило и встревожило нас, нам казалось, что это какая-то нелепая и страшная ошибка. Я знала, какой кристальной чистоты был Ломов, как относился к нему Ленин, и верила, что все должно кончиться благополучно».

В сентябре 1937 года арестовали мужа Анны Петровны, а в начале ноября и Анну Петровну, оторвав от трех детей и старенькой мамы. После Лубянской тюрьмы была Новинская. Обычно политзаключенных-женщин держали в Бутырской тюрьме, но тогда она была переполнена, да и в Новинской, как вспоминает Анна Петровна, в камере *«было по сорок человек. Мебели никакой, пол каменный, валялось на нем несколько тюфяков с трухой вместо сена, <...>».*

* Народный комиссариат путей сообщения.

Спали прямо на полу, подложив под себя верхнюю одежду. Лежали тесно, тело к телу, и поворачивались по команде».

Длительный арест Анны Петровны закончился вызовом в специальную комнату, где заседали трое:

— Ваш муж осужден на десять лет, так что вы будете отправлены в трудовые исправительные лагеря на восемь лет, — сообщили ей (арифметика сталинских репрессий была простой).

Обвинение же было таким: «Знала о преступной деятельности мужа, но не донесла».

Этапом Анну Петровну доставили в лагерь под Томском. Ослабевшую, да еще и заболевшую scarлатиной, ее поместили в изолятор больницы. «Однажды ко мне зашла врач из заключенных и сказала, что в ее бараке есть женщина, которая знает меня и с нетерпением ждет моего выхода из изолятора. Она часто подходит к больнице и смотрит на окна. Она знает, что я видела ее сына в Москве после ее ареста полгода назад. Это была Ломова. После scarлатины у меня возникли осложнения — сильный лимфаденит. Мне забинтовали голову и шею и вернули в барак. Наталья Григорьевна сразу же пришла ко мне, и в дальнейшем мы были неразлучны до самого ее отъезда. Спать в бараках было очень тесно. На человека приходилось по 33 сантиметра. Кормили плохо. Переписка была запрещена», — вспоминала А. П.

Мама и Анна Петровна пробыли вместе более года, и когда в 39 году А. П. вновь была помещена в больницу, от нее хотели скрыть мамин отъезд: «Проснувшись я от какого-то движения в больничной камере, где все толпились у окна. Кто-то сказал: "Не говорите Модестовой, это ее приятельница. Она разволнуется". Я рванула к окну. Мимо ехала телега, а на ней, рядом с конвоиром, сидела Ломова. Она держала вожжи в руках и, улыбаясь, смотрела на окна больницы. Она же знала, что я там. Ее увозили с вещами. Все радовались за нее, завидовали. По ее лицу я видела, что она полна надежд, но впереди ожидал новый срок с издевательствами и побоями».

Из Томского лагеря маму этапом привезли в Москву, поместив сначала во внутреннюю тюрьму на Лубянке, через ужасы которой прошли многие жены ответственных работников страны: Ларина-Бухарина, Корк (жена командарма), Юренева (жена посланника в Японии), Сырцова-Попова (жена председателя совнаркома РСФСР) и другие.

По ходу следствия мама догадалась, что сверху получено задание сфабриковать дело о контрреволюционной террористической организации жен репрессированных. Начальство не волновало, что мужа, да и сами жены были арестованы в разное время, что у громадного большинства арестованных женщин мужа давно расстреляны и что многие фигуранты никогда ранее не были знакомы друг с другом.

Следователем у мамы был молодой, по сравнению с ней, человек, Александр Сериков. Если прежде ее не пытали и не били, то теперь чуть ли не каждый день вызывали на допрос, обычно в ночное время, и там издевались. Сериков требовал оговорить себя и других, а получив отказ, жестоко избивал резиновой дубинкой или нагайкой: по лицу, по голове, по груди, по спине. Мама падала, но он продолжал бить ее ногами, а при потере сознания плескал ей на голову из графина воду. Когда же мама приходила в себя, он восклицал: «Голубушка! Как я рад, что вы пришли в себя», — и отдавал команду конвоиру отнести ее в камеру.

Иногда маму сажали в карцер, где стены были промерзшие, со снегом, и где нельзя было сесть. Как вспоминает А. М. Ларина-Бухарина: «Нас всех тогда на допросах били, но больше всего доставалось Наталье Григорьевне Ломовой, которую часто приносили в камеру в бессознательном состоянии с множественными кровоподтеками. По-видимому, следовательно, видя перед собой маленького роста, с виду хрупкую женщину, решил, что ее волю легко сломать, а получая неизменный отказ, распялся и зверствовал с удвоенной энергией».

О самом жутком допросе мама рассказала с содроганием: «Вначале, получив очередной мой отказ подписать нараслину, Сериков с помощником поочередно били меня дубинками. А потом заявили, что здесь в тюрьме сидит моя дочь, и если я не подпишу бумагу, они приведут ее сюда и при мне будут пытаться. Впервые, не сдержавшись, я кинулась на них с криком: "Вы не люди, хуже самых злых зверей!" — и потеряла сознание».

Нина вспоминала, что в Лубянской тюрьме ее не били и не пытали, но однажды ночью она услышала крики мамы. Бросившись к двери, стала в нее стучать и потеряла сознание. Ее подняли и привели в чувство соседки по камере: Лгалова, Юренева и Костер-Гаевская (племянница Немировича-Данченко). Пытались успокоить, говоря, что ей показалось, что это похожий голос. А на очередном допросе следователь Голофеев подтвердил Нине, что мама была здесь, но больше она ее не услышит, так как перевели в другую тюрьму. Кстати, Юреневу тоже часто вызывали на допрос, принося назад с окровавленной спиной. Она, по словам Нины, обращалась с просьбой, чтобы ее или Нину перевели в другую камеру, чтобы девочка не видела результатов кровавых избиений.

Следующим кругом ада для мамы стала Лефортовская тюрьма, где допросы с побоями продолжались, но не могли сломить маминой воли, и никаких ложных показаний на папу, на себя или на других людей она так и не подписала. А вот Ася Сырцова-Попова, когда ей Сериков сломал руку, не выдержала и подписала навет на себя и на других. Вспоминая очную ставку, мама рассказывала: «Ввели меня в комнату, где у стола, на котором стоял стакан чая и блюдец с пирожным, сидела Ася с поникшей головой. Глаза ее как бы были спрятаны, а рука на перевязи. Рядом стоял довольный Александр Сериков. Он задал вопрос Асе: "Гражданка Сырцова-Попова, подтверждаете ли вы свои показания?" Она пролепетала утвердительный ответ, и он торжествующе взглянул на меня и дал команду отвести в камеру. Новость об этом событии чудесным

образом распространилась по тюрьме и Асю, которую перевели из одиночки в общую камеру, все соседки бойкотировали, не замечая ее и не разговаривая с ней. Наконец наступил день суда. Нас всех привели в зал, где восседала тройка. И тут Ася Сырцова-Попова отказалась от показаний, заявив, что ее вынудили, жестоко избивая, подписать все обвинения. Мы тоже все отказались от обвинений. Судьи были растеряны, и нас развели по камерам. Однако вскоре на всех без каких-либо дополнительных следствий повесили ярлыки шпионок-террористок, назначив срок 10 лет лагерей».

Через годы, знакомясь с расстрельной книгой Бутово-Коммунарка, я узнал, что для Сырцовой-Поповой сделали исключение — расстреляв. По паспорту она была Августой Евлампиевной, но по жизни все к ней обращались «Ася Сергеевна».

Заканчивая рассказ о женских участях, хочется привести пример тюремных «пересечений» заключенных. Упомянутую ранее Женю Лгалову, которая в свободную бытность была радисткой у Блюхера*, через некоторое время тоже перевели в Лефортовскую тюрьму, и она по воле случая очутилась в одной камере с нашей мамой. Женю сильно били, стараясь, чтобы она оговорила Блюхера, хотя официально он был давно расстрелян. После пыток и карцеров у Жени развился туберкулез костей, но она выжила, и когда встретилась с Ниной, то рассказала, что маме доставалось еще сильнее.

Один мамин рассказ о тюремной жизни произвел на меня потрясающее впечатление. Когда она находилась во внутренней тюрьме, устраивались постоянные ночные допросы. Конвоир, ведя заключенного, стучал ключами, чтобы легко разминуться с теми, кто идет навстречу. Однажды, ведя маму, забыл стучать, да и был сонным. В это время рядом показался странного вида узник. Вместо ног у него были деревянные колодки, а двигался

* В. К. Блюхер (1890 — 1938) — советский военный, государственный и партийный деятель, Маршал Советского Союза (1935).

он при помощи рук, опиравшихся на деревяшки с рукоятками. Конвоир отодвинул маму к стене, встав между ней и встречным, и пригрозил ей: «Чтобы молчала!» — но прежде узник успел поднять голову, взглянув на маму, и она узнала Николая Ивановича Муралова, при этом сделал вид, что никого не видела. Николай Муралов в революцию вместе с моим отцом входил в состав Московского революционного комитета, а затем несколько лет работал в ВСНХ. В последний период жизни перед арестом Николай Иванович занимал, кажется, должность председателя Моссовета. Родители хорошо его знали, и ошибиться во внешности мама не могла.

Много месяцев спустя, находясь в громадном северном лагере ГУЛага, называемом «Вожаель», мама подружилась с одной заключенной. Доверяя друг другу, они вели откровенные разговоры и как-то раз был поведен случай встречи с Николаем Мураловым. В ответ подруга передала секретный рассказ своего мужа, работавшего в тюремной санчасти Лубянской тюрьмы. Муралова зверски пытали, но он отказывался подписывать клеветнические бумажки. Тогда было получено высочайшее повеление ампутировать ему ногу, а если снова не подпишет, то и вторую, потом левую руку, оставив правую для подписи.

Через несколько лет после смерти Сталина меня познакомили с тяжело больной племянницей Николая Ивановича, Юлией Александровной, вернувшейся в Москву после многолетних тюремных и лагерных мытарств. Среди многочисленных ее болезней был бруцеллез*, подхваченный на молочной лагерной ферме, где одно время она работала вместе с моей сестрой. На ее беду министр здравоохранения тогда объявил, что в СССР с бруцеллезом полностью покончено, и в результате Юлии Александровне ни серьезного лечения провести не могли, ни даже очевидный диагноз поставить. Я боялся ее травмировать и умолчал о ма-

* Инфекция, передающаяся от больных животных человеку, характеризующаяся множественным поражением органов и систем организма человека.

мином рассказе. Только когда я разменял девятый десяток, пересказал историю Наташе, дочери Юлии Александровны. Как показалось, Наташа восприняла все спокойно.

Хорошая знакомая семьи Мураловых Анна Ревенкова после всех «прелестей» ГУЛага написала книгу о всемирно известном ученом, погибшем в сталинских тюрьмах, — Вавилове. Юлии Александровне она сообщила, что ее муж работал тюремным врачом и часто подписывал протоколы смерти заключенных. Так ему дали подписать протокол смерти Н. И. Муралова. По словам мужа, тело приволокли в мешке. Когда мешок раскрыли, он это ясно увидел. Затем в мешок кинули какие-то куски, протокол был подписан и он, сделав вид, что ничего особенного не заметил, ушел. Из 19-ти Мураловых 14-ть были репрессированы и мало кому удалось вернуться домой.

Мне довелось иметь неоднократно общение со многими женщинами, прошедшими большой тюремно-ссылный путь, судьбы которых на разных этапах пересекались с маминной. Это и Ларина-Бухарина, и Модестова, и Славуцкая, и Чубарь, и Диманштейн, и многие другие. Все говорили, что, несмотря на жестокие издевательства, мама неизменно сохраняла жизнерадостность, большую духовную силу, доброжелательность к людям, исключая палачей и доносчиков. Она всегда старалась подбодрить соседней по несчастью, рассеять грусть. Прекрасная рассказчица, обладавшая хорошей памятью, часто пересказывала сюжеты различных книг, и люди самой разной культуры и интеллекта слушали ее, затаив дыхание.

Маме приходилось жить в окружении не только политических заключенных, но и уголовниц, среди которых были и закоренелые преступницы. Но все они относились к ней с уважением, чаще всего называя «тетя Наташа». Когда в северной ссылке маму по состоянию здоровья освободили от тяжелых работ и посадили дежурной в бараке, где у нее была тумбочка, она свои вещи не запирала, и никогда ничего не пропадало, тогда как у многих, пользовавшихся замками, периодически обнаруживались пропажи.

Характерен эпизод, когда подбежала одна известная воровка и обманщица Лиза и обратилась с просьбой:

— Тетя Наташа, одолжи мне пятнадцать рублей. Ведь у тебя остались еще деньги от перевода сына. А мне они очень, очень нужны!

— Имей в виду, Лиза, это мои последние, — сказала мама, дав деньги.

Как же ругали маму потом за доверчивость соседки и каково было их удивление, когда Лиза через два дня сполна вернула полученную сумму, да еще и тепло поблагодарила.

Анализируя рассказы мамы и многих, многих бывших заключенных, не могу не упомянуть об интервью с Наумом Коржавиным* в «Известиях»**. В интервью, в частности, Коржавин описывает разговор с одним германским коммунистом, который сидел в гестапо, а затем в НКВД. «У него потом спросили, где страшней. Он ответил: "Били одинаково, но в гестапо*** меня били, чтобы заставить сказать правду, а в НКВД — чтобы заставить сказать неправду"»****. А ведь это был один из рычагов управления сталинизма, позволявший избавляться от свободно мыслящих людей, формируя вокруг безнравственность и чего изволите. «Вождь» стремился к всеобъемлющей власти и славе, и его орудия по достижению цели видоизменялись, становясь все более устрашающими, тем более что он верил в собственные знания, хитрость, коварство и терпение, что он сможет заменить всех уничтоженных, изгнанных или конформированных талантливых людей.

Только после смерти Сталина в 1954 году маму с формулировкой «в связи с отсутствием состава преступления» полностью реабилитировали. Мы с ней написали заявление в прокуратуру СССР о зверствах следователя Сери-

* Н. М. Коржавин (1925 г. р.) — известный поэт, прозаик, переводчик и драматург.

** Кочеткова Н. Поэт Наум Коржавин: «Я больше не мог слышать голос советского диктора» // Известия. 23 ноября 2005 г.

*** Тайная государственная полиция Третьего Рейха.

**** Фрагмент интервью, из ответа Н. Коржавина.

кова. При этом мама в заявлении упомянула о том, что на груди его всегда висел ромбовидной формы значок, по-видимому, парашютиста. Примерно через месяц получили ответ, что заявление было рассмотрено и что в следственных органах Александр Сериков, занимавшийся или занимающийся парашютным спортом, не числится.

После этого мы были на приеме в Комиссии партийного контроля у Павла Комарова. Четко помню, что к нему подошел сотрудник по фамилии Кузнецов и восторженно рассказал о том, как следователь бил и истязал жену Яна Гамарника, но она так ничего и не подписала из предполагаемых лживых наговоров на мужа, на себя и на знакомых. Мама тут же заметила, что ее тоже жестоко пытали, и, назвав преступления, в которых ей предлагали обвинить папу, себя и других, с гордостью заявила, что ничего не подписала. Павлу Тимофеевичу мы показали наше заявление в прокуратуру и ответ. Он все записал и обещал принять меры. Впоследствии от соседа по арбатскому жилью Семёна Виткинда, работавшего ранее в следственных органах, мы узнали, что Серикова наказали, лишив права заниматься юриспруденцией, и перевели на охрану Совета Министров, сохранив при этом воинское звание и все регалии. А ромбовидный значок оказался знаком юрфака. Через некоторое время Виткинд сообщил, что Сериков умер от инфаркта.

Вернулась мама очень больным человеком. С каждым месяцем учащались и усиливались боли правой половины грудной клетки и головы. В результате обследования мы узнали, что на месте побоев и возникшего кровоизлияния в легком образовалась злокачественная опухоль, давшая метастазы в мозг. Умерла мама в январе 1958 года.

УДК 82-94
ББК 84-4
НЗ8

Ломов-Оппоков. Ю. Г.

Незаменимые. М.: Литературная Россия, 2013. — 264 с.: ил.

Книга составлена из записей разных лет. Главный герой и повествователь, сын видного революционера и государственного деятеля — Ю. Г. Ломов-Оппоков возвращается в памяти к временам отрочества, к жестокому и кровавому сталинскому прошлому, к военному лихолетью и к новой, семейной жизни.

32212

ISBN 978-5-7809-0161-7

© Ю. Г. Ломов-Оппоков — текст, макет, 2012
© Н. Г. Зюзенко-Ломова — «Из воспоминаний сестры Нины», 2012
© И. Дуардович — предисловие, верстка, обложка, 2012